

УДК 343.812:94(47)“18-19”

УЕЗДНЫЕ ТЮРЬМЫ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.: ОРГАНИЗАЦИОННОЕ УСТРОЙСТВО И АРЕСТАНТСКИЙ КОНТИНГЕНТ

С.В. Шебалков, аспирант КФУ

К концу XIX в. пенитенциарная система Российской империи была представлена учреждениями различных типов, начиная с каторжных централов и заканчивая воспитательно-исправительными заведениями для несовершеннолетних. Все они имели собственную специфику в вопросах внутреннего устройства, системы функционирования и арестантского контингента. Общероссийские тенденции и проблемы развития тюремной сферы ярче всего проявились, пожалуй, в деятельности уездных тюремных замков, занимающих место у самого основания пирамиды тюремной системы страны. В настоящей статье объектом изучения стали тюремные учреждения Казанской губернии конца XIX – начала XX вв.

Особенностью пенитенциарной системы Казанской губернии являлось отсутствие здесь тюрем каторжного разряда. Крупнейшие тюрьмы, среди которых были гражданский тюремный замок, исправительное арестантское отделение и центральная пересыльная тюрьма, располагались в губернском городе Казани. К концу XIX в. тюрьмы существовали в каждом из одиннадцати уездных городов Казанской губернии: Чистополе, Мамадыше, Лаишеве, Козьмодемьянске, Свияжске, Спасске, Тетюшах, Царевкокшайске, Чебоксарах, Цивильске, Ядрине. Именно эти учреждения

обеспечивали осуществление карательной функции в регионе, принимая в свои просторы преступников всех категорий.

К концу XIX в. крупнейшей уездной тюрьмой Казанской губернии являлась чистопольская, рассчитанная на содержание 140 арестантов¹. Крупными тюрьмами были Цивильская, Тетюшская, Мамадышская и Спасская (см. табл. 1). Максимальное число заключенных, могущих разместиться в конкретном месте заключения, зависело от нормы кубического содержания воздуха в тюремных помещениях. Согласно циркуляру Главного тюремного управления (ГТУ) от 25 сентября 1879 г. за № 2677, на каждого арестанта должно было приходиться не менее двух кубических саженой воздуха². Однако на практике подобные нормы соблюдались далеко не всегда, и проблема переполнения тюрем арестантами стояла достаточно остро.

Все здания уездных тюрем Казанской губернии были построены на казенный счет, преимущественно не позднее первой половины XIX в. Во второй половине XIX в. появились тюремные замки в Чистополе (1856 г.), Спасске (1863 г.), Тетюшах (1864 г.). Комплекс тюремных помещений включал арестантские камеры, хозяйственные постройки, квартиры для тюремной администрации и чинов тюремного надзора, а также тюрем-

Уездные тюрьмы Казанской губернии и их вместимость*

Тюрьма	Количество арестантов по кубическому содержанию воздуха
Чистопольская	140
Мамадышская	120
Цивильская	100
Тетюшская	100
Спасская	50
Свияжская	48
Царевококшайская	46
Лаишевская	40
Чебоксарская	35
Козьмодемьянская	35
Ядринская	30

* Составлено по: НА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 3076. Л. 2.

ную больницу и церковь в случае их наличия.

В полном соответствии с устоявшейся тюремной практикой размещение арестантов было подчинено одной из двух систем заключения: общей либо одиночной. Применение на практике той и другой системы зависело от вида наказания по уголовному законодательству, а также от особенностей конкретных мест заключения. При этом одиночные камеры, как правило, имели лишь крупные тюремные замки, расположенные преимущественно в губернских городах. Для небольших уездных тюрем было практически нормой содержание арестантов в общих камерах, рассчитанных на 15–20 человек. Не стали исключением в этом плане и места заключения Казанской губернии.

Например, план Царевококшайской тюрьмы, датированный 1908 годом, свидетельствует о том, что одиночные камеры в данном пенитенциарном учреждении отсутствовали. Для содержания арестантов были отведены 4 мужские камеры, вмещавшие по 5 и 15 арестантов соответственно, а также 1 женская камера, рассчитан-

ная на 3 человек. Кроме того, в тюрьме имелся один карцер, контора, два помещения для надзирателей и кухня. Высота камер составляла 4,5 аршина³. При наличии в местах заключения одиночных камер последние нередко использовались в дисциплинарных целях, становясь местом временного содержания особо провинившихся или буйствующих арестантов. Тем же целям служили имеющиеся в каждой тюрьме карцеры (темный и светлый). В Чистопольской тюрьме помещение для арестантов включало 32 камеры, в Спасской – 24 камеры, в Мамадышской – 14, в Лаишевской – 6, в Ядринской и Свияжской – по 5 камер⁴.

Управление российскими местами заключения осуществлялось тюремной администрацией в лице начальника и его помощников. В штат тюремных служащих входили также надзиратели, священник и врач. Подобная структура тюремного штата была единой как для губернских, так и для уездных мест заключения, с той лишь разницей, что в небольших уездных тюрьмах, как правило, роль помощника начальника исполнял старший надзиратель, а сам штат над-

зирателей был немногочисленным. *В.В. Казаченок* в своей статье, посвященной тюремной службе в Казанской губернии, отмечает, что общее число чинов тюремной стражи в 11 уездных тюрьмах составляло в 1908 г. 93 человека (82 младших и 11 старших надзирателей)⁵. Каждый надзиратель уездной тюрьмы имел строго определенный круг обязанностей. Так, в штате Мамадышской тюрьмы было 6 младших надзирателей: 1 привратник, 2 постовых, 1 выводной и 1 запасной. Старший же надзиратель заведовал цейхгаузом арестантских вещей⁶.

Предоставление персоналу тюрем казенных квартир наряду с другими мерами стимулирования служащих тюремного штата (повышение жалованья, назначение пенсий и пр.) было призвано компенсировать непопулярность тюремной службы и привлечь в эту сферу новые кадры. Однако обеспеченность казенными квартирами служащих уездных мест заключения часто оставляла желать лучшего по причине невозможности выделить для этого отдельные помещения. Поэтому такими квартирами чаще всего владели лишь начальники уездных тюрем Казанской губернии и иногда старшие надзиратели. Например, начальник Спасской тюрьмы проживал в 4-комнатной казенной квартире с отдельной кухней. Кроме того, квартирами были обеспечены старший надзиратель, два младших надзирателя и одна надзирательница. Напротив, в Ядринской тюрьме даже старший надзиратель не имел казенной квартиры⁷.

Любопытно, что в штате целого ряда тюрем Казанской губернии отсутствовал врач. Для осмотра и лечения заболевших арестантов приглашались земские или уездные врачи, которые порой выполняли свою работу «без всякого вознаграждения», как, например, в Ядринской тюрьме⁸. В случае отсутствия при тюрьме боль-

ницы, заболевшие арестанты, в зависимости от тяжести их состояния, переводились в земские лечебницы либо лечились в специально оборудованных камерах. Санитарная обстановка в большинстве уездных тюрем была сложной. В числе наиболее распространенных заболеваний были тиф, воспаление легких, глазные и кожные заболевания⁹.

Официальное законодательство требовало от тюрьмы выполнения исправительной функции. В местах заключения Казанской губернии последняя реализовывалась общепринятыми мерами воздействия на контингент арестантов: религиозным просвещением, трудовым «воспитанием» и системой присущих тюремному режиму дисциплинарных взысканий.

В ряду средств к исправлению арестантов меры религиозно-нравственного воздействия играли, несомненно, ключевую роль. В обязанности тюремного священника помимо проведения всех церковных обрядов входило также ведение духовно-нравственных бесед с арестантами и заведование тюремной библиотекой. Если священник отсутствовал в штате тюрьмы, то места заключения посещали священнослужители городских церквей. Собственные храмы существовали далеко не при каждой уездной тюрьме, поэтому богослужения по православному и мусульманскому обрядам нередко совершались в специально оборудованных камерах. В иных местах заключения Казанской губернии имелись часовни, как было, например, в Мамадышской тюрьме¹⁰. Тюремные же храмы, как отмечает исследователь *В.А. Горбунов*, функционировали лишь в Чистополе, Спасске, Тетюшах, Козьмодемьянске и Лаишеве¹¹.

Иногда арестанты для присутствия на богослужении выводились в при-

ходскую церковь. Что касается арестантов-мусульман, то их в определенные дни посещал мулла. Кроме того, во время мусульманских праздников такие арестанты могли посещать соборную мечеть уездного города, как было, например, в Тетюшах. В официальном разъяснении по этому вопросу помощника казанского губернского тюремного инспектора говорилось, в частности, следующее: «...Арестанты магометане, содержащиеся в местной [Тетюшской – С.Ш.] тюрьме, в важнейшие праздники могут быть отпускаемы в соборную мечеть, но лишь в том случае, когда будет в достаточной степени взят благонадежный за ними конвой, и притом под личной его, начальника тюрьмы, ответственностью...»¹². Вознаграждение священнослужителям отпускалось из сумм местных отделений попечительного о тюрьмах общества, причем мулла за свою работу среди арестантов, как правило, никаких денег не получал¹³.

Отношение арестантов к пастырской проповеди служителей Русской православной церкви было неоднозначным. Несомненно, значительная часть арестантов относилась к деятельности тюремного священника равнодушно, а то и просто враждебно, видя в нем чиновника в рясе. Тем не менее, на практике встречались и случаи, подобные тому, что произошел в 1894 г. в Чистопольской тюрьме. Ее начальник в своем рапорте казанскому губернскому тюремному инспектору писал: «Содержащиеся во вверенной мне тюрьме арестанты православного и магометанского вероисповеданий, по чувству искренней преданности Его Императорскому Величеству Государю императору, заявили мне желание совершить молебен о ниспослании исцеления Его Величеству от постигшей его болезни. Сего числа в 10 часов утра, согласно изъявленного желания арестантов, в тюрьме от-

служили молебствия для православных священником Спасской церкви г. Чистополя Сергием Казанцевым, а для магометан указным муллой Мухаммедом-Назим Амирхановым...»¹⁴. Примечательно, что после проведения богослужений арестанты изъявили желание, чтобы о случившемся донесли казанскому губернатору.

Все арестанты уездных тюрем подразделялись, главным образом, на категории срочных, подследственных, ссыльных и пересыльных. Закон предписывал содержать арестантов разных категорий, пола, возраста и социального положения отдельно друг от друга, однако проблема размещения арестантов в тюрьмах давала о себе знать с очевидной остротой. Это позволило известному отечественному правоведу С.В.Познышеву сделать неутешительный вывод: «... Раз попав в тюрьму, человек у нас быстро и безвозвратно портится»¹⁵. Распределение арестантов по камерам не было подчинено какой-либо системе, в частности, род и степень тяжести совершенного преступления могли совершенно не браться во внимание. На практике это означало, что в одной камере могли соседствовать вор-рецидивист и нарушитель незначительного запрета на уличную торговлю. Все это негативно влияло на моральный облик тех арестантов, которые считались менее «испорченными».

Абсолютное большинство арестантов уездных тюремных замков Казанской губернии были людьми простого сословия. Привилегированные арестанты (дворяне, чиновники, почетные граждане, лица духовного звания) были здесь несчастными гостями. Например, за весь 1902 год в Свияжской и Царевококшайской тюрьмах не было ни одного заключенного привилегированного сословия. Для сравнения: в том же году в Чебоксарской тюрьме побывало 7 таких арестантов, в Мама-

дышской – 5, в Лаишевской – 16, в Ядринской – 5, в Спасской – 3, в Козьмодемьянской – 7, в Цивильской – 17, в Тетюшской – 5, в Чистопольской – 9¹⁶.

Среди арестантов численно абсолютно преобладали мужчины. В 1902 г. среднее соотношение мужского и женского населения в тюрьмах Казанской губернии было следующим: в Цивильской – 21:1, в Чистопольской, Чебоксарской, Мамадышской и Тетюшской – 15:1, в Лаишевской и Козьмодемьянской – 14:1, в Ядринской – 10:1, в Свияжской и Царевококшайской – 7:1, в Спасской – 5:1¹⁷. При этом с пересыльными арестантами нередко содержались их малолетние дети, вынужденные сносить тяготы заключения вместе с родителями.

Абсолютное большинство арестантов содержались под стражей за совершение общеуголовных преступлений, среди которых преобладали различные виды краж, подлоги, мошенничество. Арестантов, содержащихся под стражей за совершение преступлений политического характера, было очень немного. Например, в Чистопольской тюрьме в 1902 году содержалось всего 9 политических арестантов: 6 подследственных и 3 срочных¹⁸. Похожая ситуация была и в других местах заключения губернии. В целом это отражало общероссийскую тенденцию к сосредоточению политических арестантов в крупных губернских тюрьмах.

Тенденция несколько меняется к концу первого десятилетия XX в. В связи с революционными событиями 1905–1907 гг. содержание политических заключенных в уездных тюремных замках стало более частым явлением. Особенно это касалось тюрем, расположенных на пути следования ссыльных трактов (Чистопольская, Свияжская, Козьмодемьянская). Здесь временно содержались до отправки по этапу в Сибирь участники студенчес-

ких волнений, общественные деятели и участники национального движения среди татарского населения. Среди наиболее известных арестантов этого периода можно вспомнить члена Государственной думы первого и второго созывов Гарифа Бадамшина, обвиненного в конце 1906 г. в распространении Выборгского воззвания¹⁹. От заключения в Чистопольской тюрьме перводумца не спасли даже собранные в его защиту подписи членов общества мусульман г. Чистополя²⁰.

Еще одной яркой фигурой, вынужденной в начале XX в. отбывать наказание все в той же Чистопольской тюрьме, был известный татарский писатель и политический деятель Гаяз Исхаки. Судебные власти предъявили Исхаки обвинение по 129 статье Уголовного уложения (революционная пропаганда)²¹. Случилось это в период выборов во II Государственную думу, шансы попасть в которую Исхаки имел. Став политическим заключенным, он больше не мог претендовать на депутатское кресло. По окончании думской кампании писатель был освобожден.

В тюрьме Гаяз Исхаки написал автобиографическую повесть «Зиндан», в которой поведал о своем пребывании за решеткой. Из произведения Исхаки мы узнаем, что политические арестанты Чистопольской тюрьмы содержались в общей камере, отдельно от арестантов прочих категорий. Несмотря на скудную пищу и тяжелые условия содержания в тюрьме, они, по словам Исхаки, не унывали и старались поддерживать друг друга. Среди политических арестантов численно преобладали лица непривилегированных сословий. К моменту ареста Исхаки в конце 1906 г. в Чистопольской тюрьме было всего 9 таких арестантов: 3 сельских учителя, 2 типографских работника, 1 сельский писарь, 2 члена Государственной Думы

(Г.С.Бадамшин и М.С.Герасимов. – С.Ш.) и 1 мулла г. Чистополя²². Отсюда можно сделать вывод о высоком образовательном уровне «политиков», особенно в сравнении с общеуголовными арестантами.

Огромную роль для просветительской работы в тюрьмах имело наличие здесь библиотек. Содержать собственные школы для арестантов было достаточно проблематично, ввиду отсутствия необходимых для того помещений и бедности тюремных книжных коллекций. Примечательно, что среди уездных тюрем Казанской губернии Лаишевская, Цивильская и Ядринская совершенно не имели библиотеку. Немногим лучше была ситуация в других тюрьмах. В большинстве из них имелись книги, преимущественно религиозного содержания. Число их колебалось от 7 (Тетюшская, Царевококшайская тюрьмы) до 211 наименований (Мамадышская тюрьма). Например, библиотека Царевококшайской тюрьмы включала в себя всего 11 книг, включающих Евангелие, молитвенники, а также журналы «Воскресенье» и «Русский паломник». Согласно

рапортам начальников тюрем, данные журналы выписывались на счет местных отделений попечительного о тюрьмах общества и охотно читались грамотными арестантами «даже для слушания неграмотным»²³. Наиболее обширную библиотеку имела Мамадышская тюрьма. Согласно рапорту ее начальника в Казанское губернское правление, здесь было 249 книг²⁴. Подобной библиотекой не могли похвастаться даже места заключения г. Казани. Для сравнения, библиотека Казанской губернской тюрьмы насчитывала всего 29 наименований книг²⁵.

Среди книг, предназначенных для арестантского чтения, были весьма примечательные экземпляры. Например, в каталогах книг многих уездных тюрем Казанской губернии значится «Руководство узника к молитве», «Слово и беседы святых отцов и учителей церкви», «Программа по закону Божьему» протоиерея Е.Попова и др. В некоторых тюрьмах находились также книги научного содержания, художественная литература и даже книги на татарском языке. В частности, среди книг Мамадышской тюрем-

Таблица 2

Грамотность русского населения уездных тюрем Казанской губернии*

Тюрьма	Всего арестантов-русских	Грамотные	Полуграмотные	Неграмотные
Царевококшайская	33	8	4	21
Козьмодемьянская	26	8	5	13
Свияжская	42	–	13	29
Ядринская	3	–	3	–
Цивильская	20	3	8	9
Чебоксарская	23	7	–	16
Мамадышская	68	15	16	37
Тетюшская	60	14	4	42
Спасская	82	4	19	59
Чистопольская	194	9	57	128
Лаишевская	48	7	10	31
ВСЕГО	599	75	139	385

* Составлено по: НА РТ, Ф. 2. Оп. 12. Д. 16. Л. 26-49.

ной библиотеки были «Бедная Лиза» Н.М.Карамзина, «Кавказский пленник» Л.Н.Толстого, «Барышня-крестьянка» и «Станционный смотритель» А.С.Пушкина, исторические очерки о Екатерине II, Иване IV Грозном, Петре I и даже книги по биологии и астрономии.

Развитию арестантского чтения в тюрьмах мешала безграмотность значительного числа арестантов. Ее масштабы отражены в табл. 2. Из указанных данных видно, что среди арестантов-русских грамотность составляла всего 12,5%. Не менее выразительной была статистика грамотности среди татарского населения тюрем Казанской губернии. Здесь грамотность на русском языке составляла всего лишь 0,5%, а на родном – 5,6% (табл. 3).

Помимо русских и татар, составлявших большую часть арестантов в целом по губернии, в местных тюрьмах в большом количестве содержались также и представители иных народностей: чуваш, марийцев, башкир, цыган, евреев, армян и др. Гра-

мотность в их среде тоже была крайне низка. Например, в Цивильской тюрьме в январе 1892 г. численно преобладали арестанты-чуваши (40 человек из общего числа арестантов 77). Как ни странно, из указанных 40 человек не нашлось грамотных ни на русском, ни на родном языке. Похожая тенденция наблюдалась и в других тюрьмах губернии.

Важнейшим средством воздействия на арестантский контингент была устоявшаяся система дисциплинарных взысканий, включавшая такие меры, как заключение в одиночной камере, заключение в карцере, лишение горячей пищи, оставление на хлебе и воде и даже кандалы в целях предупреждения побега. Указанные меры в отношении арестантов применялись с разной периодичностью. Например, в 1902 г. в Чистопольской тюрьме было 126 случаев дисциплинарных наказаний, а в Ядринской за тот же период – всего 10 случаев²⁶. Поводов для применения дисциплинарных наказаний было множество – от словесного оскорбления чинов администрации

Таблица 3

Грамотность татарского населения уездных тюрем Казанской губернии*

Тюрьма	Всего арестантов-татар	Грамотные		Полуграмотные		Неграмотные	
		На русском языке	На своем языке	На русском языке	На своем языке	На русском языке	На своем языке
Царевококшайская	6	–	1	–	–	–	5
Козьмодемьянская	1	–	–	–	1	–	–
Свияжская	12	–	–	–	2	12	10
Ядринская	–	–	–	–	–	–	–
Цивильская	17	–	–	–	3	–	14
Чебоксарская	3	1	–	–	–	2	–
Мамадышская	60	1	3	3	6	56	51
Тетюшская	65	–	6	–	–	65	34
Спасская	37	–	1	1	–	36	32
Чистопольская	131	–	9	1	1	130	113
Лаишевская	22	–	–	–	1	22	21
ВСЕГО	354	2	20	5	14	323	280

* Составлено по: НА РТ, Ф. 2. Оп. 12. Д. 16. Л. 26-49.

до попыток побега. Нередко вместе с арестантами наказывались и чины тюремного надзора, допустившие со стороны первых то или иное нарушение.

Картины тюремной жизни поражают разнообразием сюжетов и драматизмом возникающих ситуаций. Например, во время обыска в карцере Цивильской тюрьмы в мае 1894 г. были найдены писанные карандашом записки, спрятанные в щель пола. Авторство записок принадлежало подследственному арестанту Евстафию Ефимову, который обвинялся в убийстве. Как выяснилось, маленький кусочек графита размером в половину обычной спички был передан Ефимову арестантом той же тюрьмы Назаровым. Свои записки Ефимов планировал передать на волю. В них арестант писал своей жене, чтобы та объяснила свидетелям по его, Ефимова делу, какие показания на суде они должны были давать. За это указанным свидетелям была обещана награда в 300 рублей каждому. Предприятие Ефимова было раскрыто. Начальник Цивильской тюрьмы сделал строгий выговор старшему надзирателю за недосмотр, вследствие которого подследственный арестант мог связаться с «волей» и повлиять на исход следствия по своему делу²⁷.

В Чистопольской тюрьме в июне 1912 г. ссыльнокаторжный арестант Лазарь Комаров покушался на жизнь надзирателя Сергея Шмигова, нанеся тому несколько ударов железной заточкой в форме ножа. Надзиратель отделался легкими ранениями, а Комаров был обезврежен подоспевшим арестантом, бывшим полицейским служителем Карповым. В результате данного инцидента исполняющий должность начальника Чистопольской тюрьмы Суворов был подвергнут аресту на гауптвахте²⁸. Нередки были попытки арестантов организовать побег. Одна из таких попыток

имела место в Чистопольской тюрьме осенью 1912 г. Арестант из мещан Михаил Алексеев пытался бежать при помощи свитой из белья веревки с крыши тюрьмы, куда он попал через чердак. Попытка оказалась неудачной: спускаясь вниз, арестант упал и сломал ногу, после чего был схвачен²⁹. Указанные эпизоды тюремной жизни наглядно показывают, что арестанты находились в режиме постоянной борьбы с неблагоприятными внешними условиями, которые в их глазах нередко напрямую ассоциировались с царизмом.

Еще одной формой исправительного воздействия на арестантов были тюремные работы. Они могли быть внутренними и внешними, оплачиваемыми и бесплатными (хозяйственными). К последним относились, например, уборка тюремных помещений, пила и колка дров и пр. Закон предписывал из вырученной от работ суммы отпускать арестантам от 1/10 части заработка³⁰. Из оставшейся суммы часть средств поступала в казну, а другая часть шла в пользу места заключения. Вознаграждение арестантам за труд было ничтожно малым, особенно учитывая то, что на личные нужды и пособия семьям арестанты могли использовать лишь часть заработанной суммы. Вторую часть они должны были получить после окончания срока заключения. В то же время подневольный характер работ в значительной степени обесценивал их значимость в качестве средства исправительного воздействия.

Циркуляр ГТУ от 3 марта 1888 г. за № 6 признавал наиболее предпочтительным родом труда внутренние работы в тюремных мастерских и арестантских камерах. На внешние работы арестантов рекомендовалось выводить «лишь в виду повсеместного переполнения тюрем, отсутствия приспособленных мастерских и в ус-

транение совершенной праздности арестантов»³¹.

Внутренние работы в тюрьмах Казанской губернии состояли в плетении лаптей и веревок, шитье сапог, женском рукоделии, изготовлении циновок, вязании сумок. Были распространены также переплетные, малярные, плотницкие и столярные работы³². Что касается внешних работ, то с ними в уездных тюрьмах дело обстояло сложнее. Начальник Ядринской тюрьмы в своем рапорте в тюремное отделение Казанского губернского правления жаловался на отсутствие городских работ: «Занятие арестантов работами составляет одну из самых трудных задач тюремной администрации, в особенности при самых неблагоприятных местных условиях: отсутствии в городе Ядрине каких-либо промышленных заведений, где было бы возможно применить арестантский труд, <...> конкуренции со стороны вольных рабочих рук и, наконец, 9/10 населения города Ядрин составляют мещане, занимающиеся хлебопашеством, которые почти не нуждаются в работах, за исключением лишь срочных полевых работ»³³. Вследствие указанных проблем за пределами тюремной ограды арестанты занимались, главным образом, малозначительными и малоприбыль-

ными работами, как например, очисткой площадей, колкой льда и уборкой снега, переносом тяжестей, разными видами черных работ. Выполнение же частных заказов на арестантские работы для уездных тюрем было редкостью.

Таким образом, ситуация в уездных тюрьмах Казанской губернии в целом соответствовала общероссийским тенденциям развития тюремной сферы. Небольшие по размерам провинциальные тюрьмы предназначались, главным образом, для содержания под стражей местных уголовников, представляющих преимущественно крестьянское и мещанское сословия. Арестантский контингент был большей частью малограмотным, что наряду с другими факторами значительно затрудняло развитие просвещения в тюрьмах. Отсутствие в уездных городах крупных промышленных предприятий, конкуренция со стороны вольных рабочих рук сдерживало развитие арестантского труда. В то же время деятельность местных отделений попечительного о тюрьмах общества благотворно сказывалась на функционировании пенитенциарных учреждений Казанской губернии в плане развития инфраструктуры, организации мастерских, библиотек и больниц при тюремных учреждениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ НА РТ (Национальный архив Республики Татарстан). Ф. 1. Оп. 3. Д. 3076. Л. 2.

² Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному управлению в 1879 – 1910 гг. Ч. 1. – СПб., 1911.

³ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 322. Л. 2.

⁴ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 111. Л. 143, 149, 173.

⁵ *Казаченок В.В.* Прохождение службы в тюремных учреждениях Казанской губернии в XIX – начале XX вв. // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2014. – Т. 1. – № 1 (15). – С. 111.

⁶ НА РТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 111. Л. 151.

⁷ Там же. – Л. 145, 173.

⁸ Там же. – Л. 145.

⁹ Там же. – Л. 145, 150, 159–160, 175–176.

¹⁰ Там же. – Л. 149.

- ¹¹ Горбунов В.А. История становления системы исправления и нравственного воспитания арестантов в тюрьмах Казанской губернии в XIX – начале XX вв. // Вестник Владимирского юридического института. – 2007. – № 1. – С. 175.
- ¹² НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 33. Л. 112–113.
- ¹³ НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 111. Л. 172.
- ¹⁴ НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 33. Л. 340.
- ¹⁵ Познышев С.В. Очерки тюремоведения. – М., 1915. – С. 134.
- ¹⁶ НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 111. Л. 17, 23, 32, 41, 54, 69, 77, 90, 98, 115, 129.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. – Л. 159.
- ¹⁹ Усманова Д.М. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России. 1906–1917. – Казань, 2006. – С. 302.
- ²⁰ НА РТ Ф. 199. Оп. 2. Д. 414. Л. 2.
- ²¹ Исхаки Г. Зиндан // Мирас. – 2000. – №2. – С. 79.
- ²² Там же. – С. 81
- ²³ НА РТ Ф. 2. оп. 12. Д. 16. Л. 17, 21.
- ²⁴ Там же. – Л. 27.
- ²⁵ Там же. – Л. 7-8.
- ²⁶ НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 111. Л. 143, 159,
- ²⁷ НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 33. Л. 160.
- ²⁸ НА РТ Ф. 2. оп. 12. Д. 421. Л. 27–29.
- ²⁹ Там же. – Л.40.
- ³⁰ Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей. Изд. 1890 года // Свод законов Российской империи. Т. XIV. – СПб., 1912. – С. 195.
- ³¹ Сборник циркуляров, изданных по Главному Тюремному управлению в 1879 – 1910 гг. Ч. 1. – СПб., 1911.
- ³² НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 111. Л. 18, 28, 71, 73, 82, 86, 96, 113, 128.
- ³³ НА РТ Ф. 2. Оп. 12. Д. 111. Л. 141–142.

Аннотация

В статье рассматриваются место и роль уездных тюрем в пенитенциарной системе России на примере мест заключения Казанской губернии. Автор рассматривает вопросы внутреннего устройства тюрем и организации тюремного дела на местах, приводит примеры из тюремной практики Казанской губернии. Внимание уделяется также арестантскому контингенту местных тюрем, в частности социальному и этническому составу заключенных, уровню грамотности в их среде.

Ключевые слова: тюрьма, арестанты, исправление, общие и одиночные камеры, грамотность, тюремная администрация.

Summary

The article describes the place and the role of district prisons in penal system of Russia, in particular on the example of the Kazan Province. The author considers questions of the internal structure of prisons and the organization of prison work on places. He gives some examples from prison practice of the Kazan Province. The attention is also paid to prisoner's contingent of local prisons, in particular to social and ethnic composition of prisoners, literacy level in their environment.

Keywords: prison, prisoners, correction, general and single prison cells, literacy, prison administration.